

В. Б. Помелов

**ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
СВЯЩЕННИКОВ-ПОДВИЖНИКОВ
ВЯТСКО-КАМСКОГО РЕГИОНА
СТЕФАНА ПЕРМСКОГО
И ТРИФОНА ВЯТСКОГО**

УДК 37(09)(470.342)
ББК 74:86.372.24-683.9(235.51)г

В статье раскрывается содержание подвижнической деятельности первых просветителей Вятско-Камского региона – Стефана Пермского и Трифона Вятского. Показан их вклад в дело распространения письменности и книжной культуры среди местного населения, в строительство храмов.

Ключевые слова: Волго-Вятский регион; Стефан Пермский и Трифон Вятский; древне-коми азбука; Елифаній Премудрий; Вятский монастырь.

V. B. Pomelov

**THE ENLIGHTENMENT ACTIVITIES
OF THE FIRST PRIESTS-DEVOTEES
OF THE VYATKA-KAMA REGION
STEPHAN PERMSKY AND TRIPHON VYATSKY**

The article reveals the contents of the enlightenment activities of the first priests-devotees of the Vyatka-Kama region Stephan Permsky and Triphon Vyatsky. Their contribution into the spreading of literacy and book culture among the native population, into the church-building is shown.

Key words: the Vyatka-Kama region; Stephan Permsky and Triphon Vyatsky; the ancient-Komi ABC; Epiphany the Wise; the Vyatka cloister.

Миссионерско-просветительская деятельность первых вятских проповедников-просветителей Стефана Пермского и Трифона Вятского осуществлялась в период, когда Русь освобождалась от ига иноземных захватчиков и начинало складываться

централизованное государство из княжеств, объединявшихся вокруг Москвы.

В этот период Вятка и Пермь считались далекими окраинами русских земель. Просвещение здесь находилось в совершенно зачаточном состо-

янии. Оно получило толчок к своему развитию лишь благодаря усилиям просветителей-миссионеров, сочетавших в своей деятельности христианизацию местного населения и обучение его грамоте. Пермская земля с XII в. находилась в номинальной зависимости от Новгорода Великого, а с XIV в. населявшие ее коми-зыряне стали данниками великого князя московского. Позднее, в XVII в. Пермская земля стала территорией епископства Вятского и Великопермского (ныне — Вятское и Слободское).

Первым по времени просветителем народов указанного региона является Степан Храп (ок. 1345, г. Великий Устюг □ 26.04.1396, г. Москва), более известный под именем Стефана Пермского. Он вошел в историю российского просвещения как создатель коми-зырянской азбуки, основоположник древнего коми литературного языка, писатель, переводчик, философ и художник, создатель первых коми школ, учитель и распространитель христианства в Перми Вычегодской и на территории епископства Вятского и Великопермского.

Отец Стефана Симеон был русским священником, причетником (клириком) соборной церкви Богородицы Великого Устюга Вологодского края, мать Мария — крестьянкой из коми-зырян.

Первоначальное образование Стефан получил в семье. В течение 10—12 лет он прослужил дьяком в Устюжском соборе, где «научился

грамматической хитрости и книжной силе». В годы учебы в Ростовской монастырской школе он принял монашество в монастыре святого Григория Великого (Богослова), известном также под названием Затвор. Здесь он постигал книжную грамотность, переписывал книги, изучил греческий язык. Он учился вместе с будущим знаменитым православным писателем Епифанием Премудрым (? — между 1418 и 1422), написавшим вскоре после смерти Стефана его биографию («Житие»), а также биографию другого выдающегося миссионера-просветителя Сергия Радонежского.

Исследователи называют Епифания обладателем исключительного литературного таланта и человеком передовых взглядов. Он был одним из выдающихся деятелей той культуры, которая определяется как культура Предвозрождения на Руси, как «время Андрея Рублева и Епифания Премудрого»¹.

Главная идея обоих произведений Епифания — создание образа совершенного учителя. При этом сам термин «учитель» понимался им в высшем смысле этого слова — как наставник в жизни. В описании Епифания мы встречаем два различных типа учителя: Сергей показан в большей мере как воспитатель, Стефан — как ученый. Свою мудрость они постигают совершенно разными путями. Еще в детстве, как ни старался неспособный отрок Варфоломей (будущий Сергей) постигнуть «учение книжное», ничего

¹ Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV и начало XV вв.) М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1962. 340 с.

у него не выходило. «Учитель с большим старанием учил Варфоломея, но отрок не слушал его, и не мог научиться, не похож он был на товарищей, учащихся с ним. За это его часто бранили его родители, учитель же еще строже наказывал, а товарищи укоряли»¹. Но благодаря «божественному откровению», отведав из рук святого старца кусок просфоры, вместе с ней отрок получил и знания: «После ухода этого старца отрок внезапно всю грамоту постиг: изменился странным образом: какую книгу не раскроет, хорошо ее читает и понимает ее»².

Путь труда в постижении мудрости, в отличие от пути Сергия, Епифаний изображает в «Житии Стефана Пермского». Стефан еще «детищем» был отдан учиться грамоте и через год знал ее настолько, что смог стать чтецом в соборной церкви. Мальчик постоянно упражнялся в славословии и грамматике, овладевая учением, как отмечает Епифаний, «естественною остротою ума своего». В далеком Устюге он смог научиться «всей грамотичной хитрости и книжной силе». Для своего пострижения Стефан специально выбрал такой монастырь, где можно было достать много книг. Книги он читал «прилежно... учения ради, умедливаа в учении, но до конца разумея, о чем говорит каждое слово в стихе»³.

Учился Стефан не только по книгам, но и в беседах с умными людьми, «... и если видит мужа мудрого и книжного и старца разумного и духовного, то бывает ему совопросником и собеседником, и с ним соводворяется, и ночует, и проводит утро, распрашивая его с любопытством»⁴. Много времени он уделял переписыванию книг. Но особенным достижением Стефана было то, что, выучив самостоятельно пермский язык, он «грамоту нову пермьску сложил и азбуки». Кроме того, он «книги греческие изучил, и добре почитал их и всегда имел их у себя... При этом на греческом и пермском Стефан умел читать, писать и говорить»⁵.

В рассказе об обучении Стефана отсутствует упоминание о каких-либо чудесах: он добивался в жизни всего сам, — «естественною остротою ума своего». При этом Епифаний не противопоставлял двух просветителей друг другу. Это были два разных типа учителей: «искушенный во «внешних науках», и все той же остротой разума постигающий глубины «слова божьего», ученый и диспутант, рьяный миссионер, неутомимый просветитель, боец с головы до ног, — Стефан Пермский, и озаренный откровенным знанием, тишайший «совопросник и собеседник» горнего мира, подвижник любви, поборник согласия, духовный

¹ Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV вв. / под ред. Д. С. Лихачева. – М., 1981. С. 279.

² Там же. С. 279.

³ Житие св. Стефана, епископа пермского, написанное Епифанием Премудрым // Древняя русская литература / сост. И. Н. Прокофьев. – М., 1980. С. 4.

⁴ Там же. С. 4.

⁵ Там же. С. 8.

собиратель родной земли и ее заступник, — Сергей Радонежский»¹.

Житие Стефана, составленное Епифанием Премудрым, написано стилем «плетения словес», который предполагает, увы, мало конкретных фактов и избыток риторики. Помимо того, что в годы учебы Стефан, как уже отмечалось, усиленно занимался изучением славянского и греческого языков, у местного населения он выучился разговорному пермскому языку и задумал составить пермскую азбуку. «Житие...» свидетельствует о том, что даже в отдаленном Великом Устюге Стефан имел возможность изучать грамматику, греческий язык и знакомиться со значительным количеством книг.

Епифаний прославляет Стефана за то, что тот обращал зырян-пермяков в православие и перевел на зырянский язык книги «Священного писания». Для этой цели Стефан изобрел специальную азбуку, чем способствовал распространению просвещения среди этого народа. «Житие Стефана Пермского» впервые было издано Археографической комиссией под редакцией В. Г. Дружинина в Санкт-Петербурге в 1897 г.

В 25 лет Стефан был посвящен в иеродиаконы. В качестве служения он избрал путь миссионерской деятельности среди коми-зырян, получив на это благословение епископа Коломенского Герасима. В 1378 г. московский митрополит Герасим направил его в Пермский край проповедником.

С переведенными им церковными книгами Стефан начал миссионерскую деятельность в 1379 г. «на Пыросе и на Виледе», в зырянском селении Котлас, находящемся при впадении реки Вычегды в Северную Двину (ныне район г. Котласа Архангельской области). Местом своего постоянного пребывания Стефан избрал устье реки Выми, где находилась главная кумирница коми-зырян, а возле нее священная береза, которой они поклонялись. Стефан сжег кумирницу, срубил священную березу и в 1380 г. воздвиг на их месте, на насыпном холме православный храм, — деревянную церковь Благовещения Пресвятой Богородицы. Стефан уничтожил капища и идолов пермских идолов, крестил местное население, дискутировал с шаманами-кудесниками, и при этом зыряне, глубоко его уважая, не мстили ему за попрание языческих святынь.

Согласно «Житию...», во время зырянского схода проповедь Стефана убедила всех местных жителей — коми-зырян. Позднее Стефан построил еще две церкви на месте кумирницы и на месте священного дерева зырян. Но против Стефана выступил волхв-кудесник Пам, бывший в то время уже древним старцем. В «Житии...» приводятся слова волхвов, убеждавших соплеменников не слушать миссионера: «... От Москвы может ли что добро быть нам? Не отсюда ли нам тьжести быша и дани тяжкие и насильства и тивуни и доводщицы и

¹ Клибанов А. И. К характеристике мировоззрения Андрея Рублева // Андрей Рублев и его эпоха. — М., 1971. С. 78.

приставницы?»). Однако Паму возражали: «... Этот Стефан уничтожил наших богов, и они не могли ему вредить. Сняв пелены с главных кумиров он отдал их, для поругания идолов, своему слуге Матвейку. И этот сделал из них подштанники и онучи и ногавицы и изнасил без всякого вреда, а был нашего же рода — пермин»¹.

Так Стефан развенчивал языческую веру своих соплеменников и утверждал христианскую веру, а вместе с ней и письменность, грамотность на пермской и вятской землях. Стефан Пермский крестил коми-зырян, вводил богослужение на языке коми. Для этой цели в 1372 г. (по другим данным — около 1375 г.) Стефан на основе рунических знаков составил древнепермскую азбуку, назвав ее по первым буквам азбуки «анбур» (или «абур»), и перевел на пермский язык несколько богослужебных книг.

В основу азбуки он положил греческий и славяно-русский алфавиты, используя, по мнению профессора В. И. Лыткина, «какие-то письмена, имевшие хождение между коми». Эти письмена (рунические знаки) применялись коми-зырянами при записи расчетов в меновой торговле с русскими. Азбука Стефана имела оригинальную графику: она не повторяла имевшиеся алфавиты, а включала ранее не встречавшиеся начертания букв, некоторые из которых по написанию напоминают скорее арабские и римские цифры. Азбука состояла из 24 букв, «по числу букв греческой азбуки и по речи пермского языка»,

как отмечает Епифаний Премудрый.

В дальнейшем получили распространение другие «списки» древнепермской азбуки, включавшие различное количество букв: от 24 в миллеровско-карамзинском списке до 28 в синодальном, мотуховском и ундольском. Были также яренский, номоканонский, усть-сысольский, усть-сысольско-сводный, усть-сысольско-карамзинский, синодальный и усть-сысольско-калайдовичский списки. Способ изобретения пермской азбуки был заимствован Стефаном у Кирилла и Мефодия: как в свое время основатели славянской письменности греческие монахи воспользовались готовыми болгарскими знаками, так и Стефан использовал для начертания некоторых элементов букв древнепермской письменности некогда распространенные среди коми, а в его время уже вышедшие из употребления родовые знаки, употреблявшиеся пермяками, в частности, в деревянных календарях (пасах). Палатализация согласных в азбуке Стефана особой графемой не обозначалась, а использовались надстрочные знаки, как это имеет место в некоторых современных языках (чешский, польский).

Епифаний писал, что Стефан «изучися сам языку пермьскому, и грамоту новую пермьскую сложи и азбуки незнаемы счини, по предложению пермьского языка, якоже есть требе... Се имена словом азбуки пермские: ан, бур, гай, дой, э, жой, джой, зата, дзита, и, кокэ, лэй, мэно, во, пэй, рей, сий, тай, у, цю, черы,

¹ История религий: учебник для вузов: в 2 т. / ред. И. Н. Яблоков. М., 2002. Т. 2. С. 190–191.

шой, ыры, вэр, о, я. Когда же се бысть или в кое время? И не давно, но яко мно о создания миру в лето 6883»¹, то есть в 1375 г. по современному летоисчислению.

Впервые древне-пермская азбука была напечатана в 1817 г. Н. М. Карамзиным в «Истории государства Российского» (он взял ее из древней рукописи о жизни и делах Святого Стефана епископа Великопермского), а основные тексты были опубликованы в XIX в. исследователями П. Д. Шестаковым, П. И. Савvaitовым. Окончательную расшифровку текстов и научное толкование их произвели В. И. Лыткин и А. С. Сидоров в XX в. Стефан Пермский сделал переводы со старославянских церковных текстов на коми язык: части Библии, Часослов, Псалтирь, Осмогласник и др. Это был, пожалуй, первый случай, когда канонические книги были переведены с русского языка на язык одного из малых народов России.

Создание во второй половине XV в. алфавита для языка малочисленного, территориально окраинного народа представляет собой явление в истории редкое и, стало быть, особенно значимое. Однако еще большее значение для духовного развития народа коми имела просветительская деятельность Стефана, который с целью обращения местного населения в христианство перевел на древнекоми язык молитвы и песнопения, организовывал богослужение на языке новокрещеных, учил

их грамоте, готовил духовенство из представителей местного населения.

Как создатель первой коми азбуки, первый переводчик церковной литературы на древнекоми язык и его нормализатор Стефан Пермский считается основоположником древнекоми литературного языка.

В ходе своей подвижнической миссионерской деятельности выдающийся просветитель и его преемники организовали церковное богослужение и обучение на коми языке.

Как утверждается в «Житии...», «...И научил их Стефан грамоте пермской, кою он до того наново сложил. И всем новокрещеным мужам, и юношам, и отрокам младым, и малым детям наказал учиться грамоте: читать часослов, осмигласник, псалмы Давидовы и все прочие книги. Из обучающихся грамоте из тех, кто научился читать взятые книги, Стефан отбирал, одних поставляя в попы, других — в дьяконы, третьих — в падиаки (протодьяконы), чтецы, певцы, ноты перепевая, и переводя, и обучая их писать книги пермские. А те после этого учили друг друга грамоте и, книгу с книги переписывая, размножили их».

Профессор В. И. Лыткин утверждал, что «о создании большого количества книг на пермском языке, конечно, не приходится говорить: вероятно, Стефаном переведены были главнейшие песнопения, молитвы и некоторые места из Ветхого и Нового Завета»². В. И. Лыткиным было вы-

¹ Савvaitов П. И. О зырянских деревянных календарях и пермской азбуке. М., 1873. С. 9.

² Лыткин В. И. Древнепермский язык. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 50.

явлены 12 текстов, написанных стефаницей, и все они религиозного содержания. Ни одного текста, составленного самим Стефаном, к сожалению, не сохранилось.

Тем не менее, С. Пермский первым из просветителей фактически выполнил то, что спустя несколько столетий, в период эпохи Просвещения, осуществили Мартин Лютер, Уильям Цвингли и Жан Кальвин, переведшие Библию на языки своих народов и, тем самым, давшие толчок к широкому развитию просвещения в Европе. Сам же Стефан положил начало формированию литературного языка коми народа.

Всех принявших крещение коми-зырян Стефан учил изобретенной им грамоте и чтению переведенных им текстов Священного Писания. Вокруг построенных им христианских церквей появилось селение Усть-Вымь, населенное коми-зырянами, принявшими крещение. Из их числа он рукоположил первых священников и диаконов.

В 1383 г. Стефан совершил поездку в Москву с целью просить о создании епископии. Вскоре Усть-Вымь становится центром Пермской епархии, а Стефан рукополагается первым пермским епископом. При его содействии здесь были построены несколько церквей (в поселках Усть-Выми и Вотче), в которых богослужение стало вестись на коми языке. При церквях открывались школы, где обучались древнепермской (древнекоми) грамоте дети и взрослые, «где сам Стефан учил взрослых и детей грамоте, цер-

ковному пению и богослужебному порядку, часослову, осьмигласнику, псалтыри»¹.

Миссионерская деятельность Стефана Пермского проходила в Коми-зырянском крае, но его азбука была известна и коми-пермякам. В 1390 г. он основал монастырь (пустынь) в селе Вотче по реке Сыsole, что в 60 километрах от современного города Сыктывкара (ранее поселок Усть-Сыsole). Монастырь предназначался для монахов-пермян, проповедовавших христианскую веру среди местного населения. В Стефановском монастыре молитвы распевались на древнепермском языке до середины XVIII в. Все это происходило в непосредственной близости к прикамским удмуртам и вятчанам. Удмурты — ближайшие родственники коми-пермяков по языку, и появление письменности у одного племени могло, как считают некоторые исследователи, возбудить своего рода некую зависть у другого и желание овладеть грамотой.

Письменные источники конца XIV — начала XV вв. свидетельствуют о том, что для проповедей Стефан использовал любую возможность, в том числе поездки в Вятский край. Стефан осуществлял свою миссию, например, среди зюздинских «сырьян» (зырян) будущего Глазовского уезда (ныне территория Афанасьевского района Кировской области), а в поселении, предшествовавшем нынешнему городу Слободскому Кировской области, заложил часовню. Во имя святителя Стефана вятчане позже

¹ Пермский сборник. Книжка первая. М., 1869. С. 34.

возводили храмы и часовни, а день его кончины 26 апреля с 1765 г. по 1920-е гг. отмечали особыми богослужениями и крестными ходами¹.

Стефан Пермский перевел богослужение в местных храмах на древнекоми язык, тем самым дав толчок к появлению целой группы священнослужителей-просветителей, которые занимались переписыванием книг и распространением грамотности. Распространению пермской азбуки Стефана благоприятствовало появление в XIV в. нового материала для письма — бумаги; она стала значительно более доступной, нежели раньше.

Епифаний писал о повседневных занятиях просветителя: «Петие им уромски и перелагаа и писати научая их пермския книги; и сам спомогаа им, переводящие с русских книг на пермские книги, и сия предасть им. И так отголе друг друга учашу грамоте, и от книг книгу переписующие, умножаху, исполняющие... Всех же крещенные своих... грамоте Пермской учаше... И уромс его пермским языком служажуху обедню, заутреню же и вечерню, пермскою речию пояху... и чтещи чтение тяху пермскою беседою...»².

В проповедях Стефан высоко оценивал значение образованности и грамотности. Он учил, что «надо учить детей грамоте перметей... и млады дети загаде дя обучать грамоте»³. Тех, кто обучился грамоте, следует

в «попы поставлять». Он наставлял учиться писать пермские книги, помогать друг другу. В своих молитвах он давал светские советы пермякам по ведению хозяйства, вплоть до того, как охотиться на белку и на медведя, как рубить дрова; отмечал, что всему этому надо учиться с детства. Тем самым, можно считать его советы вполне педагогическими, а самого Стефана, — автором самых первых педагогических сочинений на Вятской и Пермской землях.

Стефан заложил принципы православной миссионерской деятельности. Его проповеди имели мирный характер. Он отказывался от помощи представителей великокняжеской администрации, чем вызывал доверие и уважение местного населения. Стефан не только утверждал в Пермской и Вятской землях православное христианство, но и стремился улучшить жизнь народа коми: ходатайствовал перед великим князем об избавлении коми от насилия и от тиунских продаж, добивался снижения дани, а в голодные годы организовывал закупку и раздачу хлеба нуждавшимся.

Скончался Стефан в 1396 г. в г. Москве во время поездки в столицу по церковным делам. Похоронен в московском храме Спаса-на Бору, в Кремле. В «Житии...» приводится «Плач пермьских людей», сетующих о том, что Стефан «не на своем столе почил еси, добро же бы было нам, аще

¹ Шумилов Е. Ф. Христианство в Удмуртии. Цивилизационные процессы и христианское искусство. Ижевск, 2001. С. 434.

² Епифаний. Слово о житии и учении св. Стефана, бывшего в Перми епископом // Памятники старинной русской литературы. Выпуск IV. Пб., 1862. С. 135–136, 148–149.

³ Из истории народного образования Урала / ред. В. В. Прокошев. Пермь, 1976. С. 7.

бы рака (гроб) уро твоих была у нас, в нашей стране, в твоей епископии, нежели в Москве не в своем пределе...»¹.

Распространение христианства в Пермской земле не всегда было мирным. Вооруженное сопротивление этому процессу оказывали вогулы, предки народа манси. Они нападали на крещеных коми-зырян и русских миссионеров, а в 1455 г. убили пермского епископа Питирима, непосредственного преемника Стефана. Сопротивление вогулов было сломлено лишь с помощью московского военного отряда, прибывшего с новым епископом Ионой. В 1463 г. Иона крестил коми-пермяков, живших по рекам Каме, Вишере и Чусовой. Дело просвещения населения Пермской и Вятской земель продолжалось и при преемниках Стефана: епископах Питириме, Ионе, Герасиме, Филофее. Однако позднее возникли трудности в связи с тем, что в 1503 г. центр епархии был перемещен из Усть-Вьми, где жили Стефан и его сторонники и ученики, в Вологду, а сама епархия получает название Вологодской и Великопермской. Затем она была перемещена в Хлынов (Вятку) и стала Вятской и Великопермской. В связи с этим церковное богослужение стало вестись на церковно-славянском языке, и древнекоми язык стал постепенно забываться.

Период распространения древнекоми литературы основоположник новой коми литературы Иван

Алексеевич Куратов назвал оазисом в пустыне зырянской (коми) истории. Письменность, созданная Стефаном, получила распространение по всей территории Коми-зырянского и Коми-пермяцкого краев, а также на территории Вятской земли, в той ее части, которая была населена народом коми. До нашего времени памятники пермской письменности дошли в виде надписей на иконах и в виде отдельных, случайно сохранившихся записей на полях книг; в общей сложности 236 слов связного текста. Хотя древнекоми книги утеряны, но сама азбука дошла до наших дней. Стефановской азбукой пользовались вплоть до XIX в. И. А. Куратов свои первые работы писал, используя древнекоми азбуку. Одним из значительных памятников русской и коми культуры является «Поучение епископа Стефана против стригольников», с которым епископ выступил в Новгороде против еретиков (стригольников). В этой проповеди он дал отповедь стригольникам, которые, по его словам, оклеветали «весь вселенский събор, патриархов, и митрополитов, и епископов, и игуменов, и попов, и весь чин священнический, яко не по достоянию поставляеми».

Стефановская азбука просуществовала в общей сложности три века и стала выдающимся явлением в истории культуры народов Поволжья и Прикамья. Но азбука, к сожалению, не пустила глубоких корней в народе, не стала его письменностью. Древнеписьменный

¹ Житие св. Стефана, епископа пермского, написанное Епифанием Премудрым // Древняя русская литература / сост. И. Н. Прокофьев. М., 1980. С. 157.

пермский (коми) язык был только языком церкви, недоступным простому народу. Письменность, которой не пользовался народ для выражения своих взглядов, чувств и убеждений с целью повседневного и всестороннего общения, обречена на вымирание, справедливо отмечает В. В. Прокошев¹. Он выделяет несколько серьезных причин, побудивших коми-пермяков к принятию азбуки Стефана. Прежде всего, это колонизация и насильственная христианизация, которые насаждались в Пермском крае «огнем и мечом». После проповедей Стефана, угрожавшего божьей карой язычникам, «кудесник» Пам, уговорив часть пермяков не отказываться от языческих обычаев и не принимать христианской веры, увел их на Обь. Впоследствии другой массовый уход был при крещении местного населения епископом Ионой в конце XV в., третий, — в результате проповеди Трифона Вятского, четвертый, — как протест против крепостного гнета Строгановых. Еще одной причиной, воспрепятствовавшей принятию коми-пермяками азбуки Стефана, был низкий уровень их социально-экономического развития; им было просто не до грамоты. Как видим, все эти причины носили, скорее, социальный характер и не были связаны с достоинствами или недостатками самой азбуки. Кроме того, распространению грамотности на родном языке среди коми-пермяцкого населения фактически препятствовала русская православная церковь, распространявшая церковную литературу на церковно-славянском языке. После

Стефана она не готовила лиц духовного звания на коми языке. Все богослужения разрешалось вести только по-церковнославянски. Пермская азбука была фактически запрещена церковью. Опыт создания грамоты для малого народа был фактически обречен на неудачу, поскольку пермяки не были готовы воспринять письменность, да и сама по себе идея «инородческой» письменности еще и значительно позже встречала неодобрение части, причем именно влиятельной части русского общества.

Стефан был первым и наиболее выдающимся пермским епископом. Он проявил себя и как политик. Он неизменно выступал на стороне своего друга, великого князя и государственного деятеля Дмитрия Донского, и проявил себя как сторонник укрепления централизованной государственной власти и авторитета православной церкви. Он указывал, что «не для того дела дал Христос Евангелие в мир, чтобы, почитая его, смотрели того слова, чем бы кого укорить». Благодаря своему таланту оратора он убедил новгородское вече воздействовать на великоустюгских ушкуйников, ранее нападавших на Коми край. В 1387 г. он добился того, что «пермяне», постигнутые неурожаем, получили хлеб из Вологды и Устюга. В 1391 г. он убедил вятчан прекратить свои набеги на Пермские земли.

Исследователи истории отечественной культуры придают большое значение просветительской деятельности Стефана Пермского и ставят его

¹ Из истории народного образования Урала / ред. В. В. Прокошев. Пермь, 1976. С. 8.

в один ряд с выдающимися деятелями России. Так, русский философ Г. П. Федотов, называя Стефана одним из образованнейших людей своего времени, отмечал, что он «был одним из немногих людей Древней Руси, которые могли читать и говорить по-гречески. Вместе с пермским это давало ему знание трех языков, — явление, может быть, не столь редкое в древнем Киеве, но уже совершенно исключительное явление на Московском Севере... Стефан-эллинист был редким явлением на Руси. Стефан — создатель зырянской письменности — явление совершенно исключительное. Он не пожелал соединить дело крещения язычников с их обрусением. Не пожелал и идти к ним со славянской литургией, разъясняемой проповедью на народном языке»¹.

Стефан Пермский был и художником-иконописцем. Одна из его известных икон — «Зырянская троица» (хранится в г. Вологде) — считается замечательным произведением иконописи XIV в., предвещающим рублевскую «Троицу», благодаря своему глубокому философско-патриотическому содержанию. По мнению исследователей, художник выразил в иконе такие общественно значимые идеи, как необходимость согласия и единства, готовность к самопожертвованию.

Миссионерско-просветительская деятельность Стефана была в известной степени продолжена Трифоном Вятским, который выступил фактически основателем православного просветительства «на Вятке».

Преподобный Трифон Вятский (в миру Трофим) родился около 1546 г. в селе Малонемнюжском (Воскресенском) Пинежского уезда на реке Немноге, ныне Архангельская область, в семье крестьян Дмитрия и Пелагеи Подвизаевых. Биограф Трифона — историк конца XIX в. И. М. Осокин — отмечает, что, достигнув совершеннолетия, склонный к иночеству юноша оставил родительский дом. В 1568 г. он принял монашество под именем Трифона в Пыскорском Спасо-Преображенском монастыре на Каме. Через два года после принятия иночества он оставил монастырь и удалился на реку Нижнюю Мулянку, а затем на реку Чусовую, откуда был вынужден уйти в 1580 г., поссорившись с владельцами тамошних мест Строгановыми.

До прибытия в г. Хлынов — главный город Вятской земли — он занимался миссионерско-просветительской деятельностью среди остяков и вогулов. Однако сведения о непосредственной миссионерской деятельности святого Трифона среди «инородцев», как доказывал видный историк Вятского края Павел Николаевич Луппов, по видимому, сильно преувеличены.

Большее значение для христианизации и распространения просвещения имело косвенное воздействие, исходившее от монастырей в вятских городах Хлынове, Слободском и Елабуге, заложенных трудами преподобного Трифона. Согласно «Житию преподобного отца нашего Трифона,

¹ Федотов Г. П. Святитель Стефан Пермский // Святые Древней Руси // под ред. Д. С. Лихачева и А. В. Меня. М., 1990. Т. 2. С. 288–289.

Вятского чудотворца», удалившийся в муллинские леса пыскорский чернец Трифон был «грубь и невежа».

Обратившись со слезной молитвой к Богу, он попросил милости, «еже бы разумети еще книжного писания», и «отъ того часа блаженный почаль книжный складъ разумевати и Божественное Писание почитати»¹.

В Хлынов Трифон пришел человеком зрелым, убежденным монахом, с целью «восполнить у вятчан скудость к душевному спасению»².

Его деятельность на Вятской земле ведет отсчет с 1580 г. С именем Трифона справедливо связывают постройку Хлыновского Успенского (Трифонова) монастыря, закладка которого состоялась в 1581 г. Разрешение на отвод земли под монастырь дал сам царь Иван IV в 1580 г.

В 1588 г. во время пребывания преподобного Трифона в Москве царь Федор Иоаннович и Иов, патриарх Московский пожаловали ему «в домъ пресвятой Богородицы Божия милосердия иконы и книги и ризы и прочия церковные потребы.....»³. Всего даров набралось на 12 подвод. Наиболее ценным даром преподобный Трифон считал книги. Дары, или «вклады», в пользу церквей и монастырей всегда считались богоугодным делом и служили важнейшим источником формирования книжных собраний.

За первое столетие царствования Романовых ими было пожаловано на Вятку более 30 книг поступивших, прежде всего, в Успенский Трифонов монастырь. Большая же часть книг все-таки покупалась, главным образом в Москве, на Печатном дворе. Самым активным покупателем был Успенский Трифонов монастырь, приобретающий книги впрок, видимо, для продажи. Самыми распространенными были азбуки, стоившие 1 копейку. С именем Трифона связывается начало распространения книжной грамотности в Хлынове. О письменности на Вятке до присоединения ее к Московскому государству сведений не сохранилось. Но она, несомненно, существовала, считал А. В. Эммаусский⁴. И хотя до XVIII в. в Вятском крае не было школ, грамотность, тем не менее, существовала. Дети духовенства, купцов и приказных людей получали первоначальное образование у священников и у мастеров грамоты. В пользу данного утверждения говорит и то обстоятельство, что на раскопках Никулицкого городища, существовавшего задолго до рассматриваемых нами событий и находившегося в непосредственной близости от г. Хлынова (впоследствии г. Вятки, ныне г. Кирова) был обнаружен «стиль», или «писало», — заостренная костяная палочка, использовавшаяся для выцарапывания букв на бересте.

¹ Житие преподобного отца нашего Трифона, Вятского чудотворца. — Казань, 1868. С. 61.

² Гайда В. В. Начиная с Трифона Вятского // Энциклопедия Земли Вятской: в XI т. / под ред. В. А. Ситникова. Т. 9. Киров, 1999. С. 553.

³ Житие преподобного отца нашего Трифона, Вятского чудотворца. Казань, 1868. С. 81.

⁴ Эммаусский А. В. Культура Вятского края XVII века // Энциклопедия Земли Вятской: в XI т. / под ред. В. А. Ситникова. Киров, 1995. Т. 4. С. 67.

Как показывают исследования (Е. Д. Петряев, А. Г. Мосин, В. Г. Шумихин, Г. Ф. Чудова) Вятская земля издавна заслуженно слыла книжным краем. Книга и грамотность стали проникать в Вятку вместе с освоением края русскими людьми и распространением православия.

Церкви и монастыри становились центрами просвещения, имели небольшие книжные собрания. Первые документальные данные о распространении книг на Вятке относятся ко второй половине XVI в. и находят свое отражение в переписных, дозорных и писцовых книгах.

Особенно полные сведения имеются о библиотеке Успенского Трифонова монастыря, самой крупной в то время в Приуралье. В 1601 г., через 20 лет после своего основания, согласно дозорной книге Хлыновского Успенского монастыря, в нем имелось 144 книги, из которых 120 находились в монастырской библиотеке, 14 в келье Трифона. Основную часть библиотеки составляла, разумеется, богослужбная литература. В то же время почти отсутствует богословская (то есть философско-каноническая) литература, за исключением трудов Василия Великого. Имелась литература духовно-нравственного содержания, прежде всего разные «Жития...» (почти 10 % от общего количества книг). Среди книг были две азбуки.

Присутствуют «четыре книги»: житийные, церковно-назидательные, учебные и даже художественные: «Повесть о Варлааме и Иоасафе», два Пролога, Четьи-Минеи, Измарагд, творения Ефрема Сирина, Андрея Юродивого, Аввы, Дорорея, Иосафа Царевича, Лествичника, Книга Василия Великого, Жития Александра Свирского, сочинения уромских чудотворцев и уромских чудотворцев, Кирилла Белозерского Проккопия Устюжского, Антония Римлянина, Стефана и Лазаря Сербских, Николая Чудотворца, десять Сборников, тетрадь о Печерском монастыре и др.¹

В келье Трифона хранилось 14 книг: четыре Псалтиря, молитвенник, богослужбные книги (Часослов, Постригальный, Служебник, Эпитимийник), Послание в монастырь, Азбучник (учебник, включавший азбуку, грамматику, арифметику и ряд справочных сведений), сборник канонов и акафистов. Среди книг было и Житие самого Трифона, по-видимому, записанное с его слов и повествующее о его жизни до прихода в г. Хлынов. («Житие преподобного Трифона Вятского» написано специальным агиографом по заказу архиепископа Ионы; действительные факты из жизни Трифона переплетаются в нем с вымышленными). Основную часть книжного фонда составляли рукописные книги (всего 91 книга)². На

¹ Осокин И. М. Значение Преподобного Трифона в истории Вятского края // Энциклопедия Земли Вятской: в XI т. / под ред. В. А. Ситникова. Киров, 1995. Т. 4. С. 95.

² Дозорная книга Хлыновского Успенского монастыря // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1902 г. Вятка, 1901. С. 10–11; Низов В. В. Книги и читатели средневековой Вятки // Энциклопедия Земли Вятской: в XI т. // под ред. В. А. Ситникова. Т. 9. Киров, 1999. С. 189–206; Осокин И. М. Значение Преподобного Трифона в истории Вятского края // Энциклопедия Земли Вятской: в XI т. / под ред. В. А. Ситникова. Киров, 1995. Т. 4. С. 91–98; Савванитов П. И. О зырянских деревянных календарях и пермской азбуке. М., 1873. 76 с.

основании изучения рукописных источников исследователи пришли к выводу, что «перепиской книг занимался сам игумен Трифон, рукописи его письма были в числе его келейных книг»¹. В то же время, по мнению вятского историка В. В. Низова, почерк Трифона характеризует его как человека, не имевшего большой практики в письме².

Конечно, библиотеки более старых и крупных монастырей Русского Севера и Центра, такие как, Кирилло-Белозерский, Соловецкий, Троицко-Сергиев, превосходили книжными богатствами Успенский Трифонов монастырь в Хлынове³. Но в сравнении со многими другими монастырями библиотека Успенского монастыря по составу книг выгодно выделялась. «Из самого беглого сравнения Успенского монастыря... даже с Пыскорским богатейшим монастырем... всякий вынесет убеждение, что Успенский монастырь 1601 года был далеко богаче Пыскорского 1624 года как иконами, так и книгами, несмотря на то что Пыскорский был основан за 20 лет до Успенского»⁴.

Такое ценное собрание книг, отмечал И. М. Осокин, лучше всего свидетельствует о выдающейся любви настоятеля к просвещению, о любви монастырской братии к чтению. Оно дает право думать, что здесь существовало обучение грамоте и что

чтением поручительных книг пользовались не одни только монахи, но и посторонние лица. Другие вятские монастыри были значительно беднее книжными собраниями. В Троицком монастыре Слободского уезда в 1629 г. насчитывалось всего 32 книги, в Екатерининском — 25⁵.

Успенский монастырь при подобном Трифоне был, таким образом, весьма важным и, может быть, единственным на громадную территорию образовательным пунктом, где желающие могли удовлетворять свою потребность и в приобретении грамотности, и в дальнейшем просвещении.

По предположению И. М. Осокина, здесь воспитывался оставшийся неизвестным для потомков составитель жития Преподобного Трифона, вдумчивый, усердный собиратель сведений о жизни настоятеля монастыря, знавший Священное Писание, святоотеческую литературу.

Вятский подвижник просвещения не только не изолировал общину от мирской жизни, но, наоборот, поставил монастырь в самую тесную связь с ней. В то же время, будучи сам приверженцем «строгой жизни» и «истовым совершителем богослужения», преподобный Трифон требовал того же и от духовенства.

Под влиянием примера его нравственного поведения постепенно начи-

¹ Мосин А. Г. От Вятки до Тобольска: церковно-монастырские библиотеки российской провинции XVI-XVIII вв. Екатеринбург, 1994. С. 15.

² Низов В. В. Книги и читатели средневековой Вятки // Энциклопедия Земли Вятской: в XI т. // под ред. В. А. Ситникова / Т. 9. Киров, 1999. С. 201–202.

³ Колупаева В. Н., Сергеев В. Д. Из истории вятских библиотек // Энциклопедия Земли Вятской: в XI т. / под ред. В. А. Ситникова. Т. 9. Киров. С. 225.

⁴ Вятский Успенский монастырь при преподобном Трифоне. Вятка, 1906. С. 17–18.

⁵ Из истории народного образования Урала / ред. В. В. Прокошев. Пермь, 1976. 104 с.

налось духовное совершенствование — сначала местных священников, а потом и мирян — в духе христианского смирения, материального самоограничения и стремления к постижению священнических истин. Тем самым, посредством распространения грамотности осуществлялся процесс нравственного развития местного населения. Просветительская деятельность осуществлялась Трифоном и через храмы и часовни, возводившиеся в вотчинных землях, которые стали впоследствии территорией Слободского, Нолинского, Вятского и Малмыжского уездов Вятской губернии¹.

Трифон был не только любителем книжного слова, но и сам обладал хорошим литературным слогом, о чем свидетельствует дошедшая до наших дней его духовная грамота. Роль преподобного Трифона в деле просвещения вятского народа далеко не ограничивалась только распространением грамотности. Он проявлял себя и как строгий ревнитель нравственности, борющийся с распространением дурных привычек. Так, в одной из его грамот, адресованной судейским целовальникам Вобловицкой вотчины имеется, в частности, такой наказ: «Велели есми вам... беречи накрепко, чтоб в Вобловицкой волости вин не курили и пив не варили без явочно, и воровства бы никоторого у них татъбы и разбоя... и душегубства не было, и буде кому надобе которому празднику или по ро-

дителям или на свадьбу вина оукурити или пива или браги пьяные сварити, им велети к вам являтися, а имати явки с четверти по денге и держати в вашей казне за печатью, а писати в книги, а буде который крестьянин тутошний оучнет вина курити или пиво или брагу пьяную на продажу варити, у тех людей то питье и сосуды винные вам имати, а их же пеню бити батогом»².

Около 20 лет преподобный Трифон возглавлял основанный им монастырь. Здесь он и скончался 8 октября 1612 г. В историю Вятского края Трифон вошел как устроитель первых монастырей — Вятского Успенского и Слободского Богоявленского. Устройство этих монастырей — традиционного места устройства библиотек и переписи книг — послужило стимулом к началу книжной грамотности.

Именно со Стефана и Трифона на Вятке начинается первый этап распространения просвещения. Деятельность этих крупнейших просветителей способствовала тому, что книга и грамотность стали достаточно распространенным явлением не только в церквях и монастырях что вполне естественно, но также получили хождение среди мирского населения.

Исследования позволяют утверждать, что в XV — начале XVII вв. на Вятской земле книги обращались среди населения: их заказывали, продавали, покупали, обменивали и дарили³. Некоторые состоятельные

¹ Борова И. В. Ансамбль Успенского Трифонова монастыря. Киров, 1989. С. 11.

² Осокин И. М. Значение Преподобного Трифона в истории Вятского края // Энциклопедия Земли Вятской: в XI т. / под ред. В. А. Ситникова. Киров, 1995. Т. 4. С. 97.

³ Мосин А. Г. От Вятки до Тобольска: церковно-монастырские библиотеки российской провинции XVI–XVIII вв. Екатеринбург, 1994. 152 с.

хлыновцы даже имели небольшие домашние библиотеки, причем кое-кто из них «делал вклады»; например, Петр Толмачев подарил Успенскому монастырю 12 книг². Книжная грамота, просвещение выходили за стены монастырей, постепенно проникали в

среду населения. Просветительская деятельность первых христианских проповедников Вятского края и Пермского края Стефана Пермского и Трифона Вятского имела важное значение для просвещения местных жителей.

Список литературы

1. Борова, И. В. Ансамбль Успенского Трифонова монастыря / И. В. Борова. — Киров, 1989. — 64 с.
2. Вятский Успенский монастырь при преподобном Трифоне. — Вятка, 1906. — 70 с.
3. Гайда, В. В. Начиная с Трифона Вятского / В. В. Гайда // Энциклопедия Земли Вятской: в XI т. / под ред. В. А. Ситникова. Т. 9. — Киров : Городская газета, 1999. — 654 с.
4. Дозорная книга Хлыновского Успенского монастыря // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1902 г. — Вятка, 1901.
5. Епифаний. Слово о житии и учении св. Стефана, бывшего в Перми епископом // Памятники старинной русской литературы. Выпуск IV. — СПб., 1862. — 166 с.
6. Житие преподобного отца нашего Трифона, Вятского чудотворца. — Казань, 1868. — 160 с.
7. Житие св. Стефана, епископа пермского, написанное Епифанием Премудрым // Древняя русская литература / сост. И. Н. Прокофьев. — М. : Просвещение, 1980. — 339 с.
8. Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV вв. / под ред.
9. Д. С. Лихачева. — М. : Изд-во АН СССР, 1981. — 380 с.
9. Из истории народного образования Урала / ред. В. В. Прокошев. — Пермь, 1976. — 104 с.
10. История религий: учебник для вузов: в 2 т. / ред. И. Н. Яблоков. — М. : Высшая школа, 2002. — Т. 2. — 676 с.
11. Клибанов, А. И. К характеристике мировоззрения Андрея Рублева / А. И. Клибанов // Андрей Рублев и его эпоха. — М. : Искусство, 1971. — С. 28—87.
12. Колупаева, В. Н. Из истории вятских библиотек / В. Н. Колупаева, В. Д. Сергеев // Энциклопедия Земли Вятской: в XI т. / под ред. В. А. Ситникова. Т. 9. — Киров, 1999. — 654 с.
13. Лихачев, Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV и начало XV вв.) / Д. С. Лихачев. — М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1962. — 340 с.
14. Лыткин, В. И. Древнепермский язык / В. И. Лыткин. — М. : Изд-во АН СССР, 1952. — 180 с.
15. Мосин, А. Г. От Вятки до Тобольска: церковно-монастырские библиотеки российской провинции XVI—XVIII вв. / А. Г. Мосин. — Екатеринбург, 1994. — 152 с.

¹ Низов В. В. Книги и читатели средневековой Вятки // Энциклопедия Земли Вятской: в XI т. // под ред. В. А. Ситникова. Т. 9. Киров, 1999. С. 206.

16. Низов, В. В. Книги и читатели средневековой Вятки / В. В. Низов // Энциклопедия Земли Вятской: в XI т. // под ред. В. А. Ситникова / Т. 9. — Киров, 1999. — 654 с.

17. Осокин, И. М. Значение Преподобного Трифона в истории Вятского края / И. М. Осокин // Энциклопедия Земли Вятской: в XI т. / под ред. В. А. Ситникова. — Киров, 1995. — Т. 4. — С. 91—98.

18. Пермский сборник. Книжка первая. — М. : В Типографии Лазаревского института Восточных языков, 1859. — 180 с.

19. Саввантов, П. И. О зырянских деревянных календарях и пермской азбуке

/ П. И. Саввантов. — М. : В Синодальной типографии, 1873. — 16 с.

20. Федотов, Г. П. Святитель Стефан Пермский / Г. П. Федоров // Святые Древней Руси // под ред. Д. С. Лихачева и А. В. Меня. — М. : Московский рабочий, 1990. — Гл. 7. — С. 130—139.

21. Шумилов, Е. Ф. Христианство в Удмуртии. Цивилизационные процессы и христианское искусство / Е. Ф. Шумилов. — Ижевск : Изд-во Удмуртского университета, 2001. — 434 с.

22. Эммаусский, А. В. Культура Вятского края XVII века / А. В. Эммаусский // Энциклопедия Земли Вятской: в XI т. / под ред. В. А. Ситникова. — Киров, 1995. — Т. 4. — С. 67—75.